

УДК 811.111'371

Безпалова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ ТРАДИЦИОННОЙ И АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Статья посвящена рассмотрению лексических средств реализации сакральности в тексте проповеди. В статье приводится собственное определение категории сакральности, установлены особенности англиканского вероучения и англиканской проповеди, отличающей ее от православной или католической проповеди. Анализируются особенности миссионерской проповеди, отличающейся от институциональных проповедей.

Ключевые слова: религия, сакральность, проповедь, библеизм.

Безпалова К.В. Особливості використання сакральної лексики в текстах традиційної та альтернативної проповіді. *Стаття присвячена розглядові лексичних засобів реалізації сакральності в тексті проповіді. В статті наводиться власне визначення категорії сакральності, встановлено особливості англіканського віровчення та англіканської проповіді, що відрізняють її від православної чи католицької проповіді. Аналізуються особливості місіонерської проповіді, яка вирізняється від інституційних проповідей.*

Ключові слова: релігія, сакральність, проповідь, біблеїзм.

Bezpalova K.V. The peculiarities of the sacred lexis usage in traditional and alternative sermon texts. *The article outlines the lexical devices realizing sacrality in sermon texts. The article offers the author's definition of the category of sacrality, determines the peculiarities of religious doctrine of Anglican church and Anglican sermon in particular. The peculiarities of traditional institutional and alternative sermons are being traced and analysed. The research has been carried out on the basis of 14 oral traditional sermons in the English language held during the public service in Anglican church and 11 alternative sermons conducted by alternative gospellers in concert-halls, stadiums, etc. The main purpose of the article is to outline the lexical devices realizing sacrality in sermon texts. There search has been helpful to find out that being the secondary realization of sacral texts by itself the sermon text demonstrates frequent usage of various groups of sacral lexicon, namely specific conceptual terms introducing religious ideas and concepts; expressions borrowed from the initial original sacral texts (the so called biblical expressions); colloquial expressions which acquire religious sense within the attendant context of the sermon and by means of the latter obtain its religious meaning and thus entering the semantic field of religion.*

Key words: religion, sacrality, sermon, biblical expression.

Языковой анализ коммуникативного акта религиозной проповеди имеет несомненное теоретическое и практическое значение для современной лингвистики. Поэтому неудивителен интерес исследователей как к отдельным языковым явлениям на материале религиозных текстов (М.Л. Кожин; Е.Н.Бетехтина), так и к языковой организации самих текстов, функционирующих в религиозной сфере общения (Т.М. Кругликова; О.Н. Морозова; В.М. Набиева; В.А. Прохвятилова и др.). Тем не менее, в лингвистической литературе нет работ монографического характера, посвященных собственно лингвистическому анализу текстов англоязычной религиозной проповеди, хотя данные тексты требуют изучения их самих

как особого вида языковой коммуникации и особого типа коммуникативных актов, относящихся к специфической религиозной сфере общения. Данное наблюдение определяет актуальность настоящей статьи.

Целью данного исследования является анализ лексических средств реализации категории сакральности.

Поставленная цель определила конкретные задачи исследования:

1. дать определение категории сакральности;
2. установить особенности англиканского вероучения и англиканской проповеди, в частности, отличающей ее от православной или католической проповеди;
3. установить особенности миссионерской проповеди, стоящей особняком от институциональных проповедей;
4. исследовать лексические средства реализации сакральности в тексте проповеди.

Материалом исследования послужили 14 устных традиционных англоязычных проповедей, произнесенных во время англиканских богослужений – непосредственно в храме и 11 альтернативных проповедей, произнесенных альтернативными проповедниками в концертных залах, на стадионах и т.д.

Одной из специфических категорий, свойственных религиозным текстам и, в том числе, текстам религиозной проповеди, является так называемая *категория сакральности*, трактуемая как одна из концептуальных категорий антропоцентрической направленности [7,31].

Целью настоящей статьи является анализ лексических средств реализации категории сакральности.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу лексических средств реализации сакральности в исследуемых текстах, необходимо дать определение и пояснение понятия «сакральность». Сакральный (от лат. *sacer* – священный, святой) – священный, служащий религиозным целям; касающийся священного, религиозного. В английском языке значение понятия *sacral* несколько уже – «обрядовый», «ритуальный».

В лингвистике получило распространение понятие «сакральные тексты» [1], под которыми понимаются практически все виды религиозных текстов. В.Г. Адмони называет сакральными практически все виды религиозных текстов, применяя такой критерий, как наличие в этих текстах «известной доли сакральности» [там же, 97], под которой автор понимает некоторую дистанцию от утилитарного языка. Объяснение этому кроется в том, что сакральные (читай – религиозные) тексты, являясь результатом откровения свыше, представляют собой, по терминологии В.А. Кухаренко, *закрытые системы* [5, 63], то есть они завершены, закончены, их элементы не подлежат дальнейшему развитию, изъятию или замене. Это означает, что они не могут быть ни пересмотрены, ни подвергнуты дальнейшему развитию, а только истолкованы.

Однако, в отличие от текстов Библии, являющихся самым ярким образцом закрытых систем, тексты проповеди должны быть настроены синхронно со временем и эпохой, то есть создаваемая на основе собственно

религиозного текста проповідь должна быть доступной, понятной современному адресату, но без ущерба для содержания первоисточника (Ветхого Завета и Евангелия).

Следовательно, текст проповеди можно считать «вторичной формой сакральных текстов» [1, 99], которая несет на себе стилевые черты того основополагающего текста, в котором изложена соответствующая религия. При производстве текста христианской проповеди в качестве основополагающего, первичного сакрального текста выступает определенный фрагмент или тема из Библии.

Суммируя вышеизложенное и пытаюсь в первом приближении определить текстовую категорию сакральности как один из конститутивных признаков текстов религиозной проповеди, предлагаем рассматривать категорию сакральности как совокупность определенных дифференциальных признаков, характеризующихся сакральной маркированностью, отличающих текст религиозной проповеди от текстов других сфер общения.

Как правило, любая текстовая категория реализуется специфически для соответствующего текста языковыми средствами. В реализации категории сакральности наблюдается совместное действие средств всех языковых уровней – фонетического, лексического, синтаксического.

Текст христианской проповеди является не просто особым видом текста, создаваемым адресантом на основе абсолютной веры, он отличается от других текстов своими лексическими признаками, в основе которых лежит лексика особой сакральной прозрачности.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию результатов анализа лексических средств реализации сакральности в исследуемых текстах проповеди, необходимо еще раз напомнить о: 1) особенностях англиканского вероучения и англиканской проповеди, в частности, отличающей ее от православной или католической проповеди; 2) особенностях миссионерской проповеди, стоящей особняком от институциональных проповедей.

1) Будучи государственной, англиканская церковь тесно связана с окружающей ее общественной и политической средой и «проникнута духом применимости к окружающей среде», что часто критикуется догматическими богословами [9, 45]. С другой стороны, они отмечают, что проповедь в англиканском богослужении, занимая центральное место [4, 89], несет на себе «печать свежести и религиозной подлинности – соединения «современности» и живости с неизменностью самого религиозного содержания» [8, 165].

2) Если современная храмовая проповедь (даже в такой «гибкой» конфессии, как англиканская) ориентирована на средневековую традицию произнесения проповеднического текста, то альтернативная – на западную (проповедование американских служителей), насчитывающую менее двух веков и характеризующуюся частичным вытеснением лексики высокого стиля (за исключением библеизмов), ориентацией на адаптированный вариант Библии, обилием экспрессивно окрашенной лексики и специально разработанных риторических приемов; использованием слов и выражений

с семантикой конкретного действия и доминированием лексемы «успех». Американский проповеднический дискурс *успеха* выдвигает на первый план личность ратора, стремящегося соответствовать ожиданиям социума, т.е., с одной стороны, говорить о высоком простыми средствами (отсюда ничем не скованная интерпретация, смещение канонических этических норм, максимальная свобода в выборе средств риторического воздействия), а с другой – демонстрировать практическое применение Божественной логики. Метафизическая сущность проповеднического дискурса, заключающаяся в постулировании сверхчувственных принципов и начал бытия, трансформируется в американском проповедническом дискурсе в русле историко-культурной традиции понимания счастья как «матрешки бытия», которую структурирует сам человек, наращивая вокруг собственного естества положительно-созидающую энергию, которая согласно законам единого инфоэнергетического пространства Вселенной многократно увеличивает удельный вес счастья на земле, тем самым генерируя дискурс успеха, процветания, благополучия, личных достижений [6].

В результате анализа исследуемых проповедей выявилось, что в данных текстах используются несколько групп сакральной лексики:

К первой группе относится традиционно религиозная лексика – узкая понятийная и терминологическая подсистема – та часть словарного состава языка, с помощью которого выражаются религиозные значения и смыслы. Это та лексика, которая непосредственно характеризует религиозный текст, присутствует во всех видах текстов религиозной проповеди, независимо от того, по какому поводу она произносится, перед каким адресатом. К этой группе относится:

1. Лексика, обозначающая символ веры: *God, Jesus Christ, Holy Spirit*.

Необходимо отметить, что в текстах всех исследуемых проповедей наблюдается частотное (всего 196 употреблений) употребление лексики, обозначающей символ веры, чем и объясняется большое разнообразие номинаций:

God – Lord, Father, Love (в значении «God is Love»)

Jesus Christ – Saviour, the Son of God, Messiah

Holy Spirit – the Spirit of God, Holy Ghost, Spirit of Truth.

2. Лексика, обозначающая основные религиозные действия, которые можно условно разделить на:

а) общерелигиозные действия: *to pray, prayer, the confirmation, liturgy, mess, sacrifice, baptism, to baptise, faith, to believe, to preach, to sermonize; divine service, fast, lent* и др. и

б) исторические действия и явления:

Resurrection, crucifixion, revelation, Holy Communion.

Необходимо оговорить, что использование такого рода лексики частично зависит от темы проповеди. Например, если проповедь произносится в период, предваряющий Пасху, и в само Святое Воскресение, то чаще упоминаются такие общерелигиозные и исторические действия и явления как *fast, lent, sacrifice, crucifixion*.

3. Лексика, обозначающая неотъемлемые атрибуты христианской веры:

Bible (Holy Bible), Gospel, gospel reading, carols, Heaven, hell, the throne of God.

Такого рода лексика используется в равной степени во всех видах проповедей вне зависимости от тематической направленности проповеди.

4. Лексика, обозначающая церковные институты: *church, monastery, cloister* и др. Необходимо оговорить, что в миссионерских проповедях лексика этой группы встречается только в цитируемых отрывках из Библии, и в абсолютном большинстве случаев – это слово *church*.

Слово *church* в обоих видах проповеди характеризуется наиболее частотным употреблением, что объясняется, во-первых, различным его толкованием в проповеди: *church* как церковный институт в целом, христианская церковь (напр., “*Can anyone imagine that in the Apostolic period, the **Christian Church** would have been subjected to any kind of reproach... (BDC)*”) и *Church* – в значении Англиканская церковь (например, “*Unfortunately, we ourselves do not value our **church**...*” (RWS)), а, во-вторых, частым использованием его в атрибутивной функции (например, *Church life, Church hierarchy, Church questions, Church bishops* и т.д.)

Исследование частоты встречаемости лексических единиц первой группы в различных видах проповеди показало наличие определенной закономерности в использовании сакральной лексики этой группы в зависимости от группы проповедей (см. табл.1). Для большей наглядности здесь и далее в таблицах наряду с цифровыми данными представляются процентные соотношения (общее количество по каждой группе проповеди принимается за 100%).

Таблица 1

Частотность употребления традиционно религиозной лексики в различных группах проповедей

Лексические единицы	Традиционная проповедь		Альтернативная проповедь	
	Количество употреблений	%	Количество употреблений	%
обозначающие символ веры	159	20,0	102	33,8
обозначающие религиозные и исторические действия	297	37,4	46	15,2
обозначающие атрибуты христианской церкви	168	21,1	23	8,6
обозначающие церковные институты	171	21,5	128	42,4
Всего	795	100%	302	100%

Данные таблицы свидетельствуют, что между собственно церковной и альтернативной проповедями наблюдаются существенные различия в частотности употребления лексических единиц различного рода. Для собственно церковной проповеди характерен примерно равный процент употребления лексики, обозначающей символ веры (20%), атрибуты христианской церкви (21,1%) и церковные институты (21,5%). Исключение составляют лексические единицы, обозначающие религиозные и исторические действия, процент употребления которых достаточно высок (37,4%). Объясняется это тем, что собственно церковные проповеди, как правило, посвящены какому-либо религиозному событию, описываемому в Евангелии, которое многократно повторяется в тексте (к примеру, в воскресной проповеди, произносимой во время Великого поста (BDS), зафиксировано 23 случая употребления слова *Lent* так как в ней говорилось о важности, значении и необходимости поста в преддверии Великой Пасхи).

Для альтернативной проповеди характерно частотное использование лексических единиц, обозначающих церковные институты (как уже упоминалось выше, это исключительно слово *Church* в цитации) (42,4%) и символ веры (33,8%). Этот факт можно объяснить тем, что альтернативной проповеди свойственно частое обращение к имени Бога. Именно за счет частотного употребления слов *God*, *Jesus Christ*, *Lord* и *Church* общий процент употреблений лексики двух подвидов оказался столь высоким.

Вторую группу ядерной лексики составляет лексика, заимствованная из основных сакральных текстов – Ветхого Завета, Евангелия. В основной массе – это «идиомы и афористические речения, выражающие подчеркнута «законченные» мысли (мысли-итоги, мысли-выводы), переданные эмоционально, в ярком и самобытном речевом оформлении. Экспрессивная законченность, отточенный лаконизм большинства фразеологических библеизмов обеспечивают возможность их переосмысления и дальнейшего содержательного обогащения» [3, 11]. Помимо этого, в данную группу входят также имена собственные, которые используются в текстах религиозных проповедей в номинативной, а не квалификативной функции и в своем прямом значении, а не в переносном. Они не становятся нарицательными, как это часто происходит в светских текстах.

Языковые элементы подобного типа (библеизмы) являются интертекстуальными маркерами [2, 51] текстов религиозной проповеди и, как правило, апеллируют к фонду общих знаний адресата и адресанта. К лексическим единицам этой группы относятся:

- интертекстуальные реалии, обозначающие географические места, связанные с библейской историей: *Jerusalem*, *Canaan*, *Gomorrah*, *Sodom*, *Sinai*, *Gethsemane* и др.;

- библейские имена собственные: *Mary*, *Zachariah*, *Paul*, *Peter*, *Mary Magdalene*, *Moses*, *Judas*, *Pilate*, *John* и др.;

- библейские зоосемизмы, флористические обозначения: *scapegoat*, *lamb*, *Balaam's ass*, *golden calf*, *the losts heep*, *a wolf in sheep's clothing*, *barren figtree*, *tree of life*, *olive branch* и др.;

- библеизмы, содержащие указания на часть тела (соматизмы) и физи-

ологию человека: *the all-seeing eye, to wash one's hands, an eye for an eye, to keep as the apple of one's eye, by the sweat of one's brow, with blood and sweat* и др.

В тексте проповеди лексические единицы этой группы выполняют двойную функцию. С одной стороны, с их помощью описываются определенные библейские события; с другой стороны, идиоматичность многих библеизмов способствует созданию образности и экспрессивной насыщенности текста проповеди.

Необходимо отметить, что язык религии влияет на различные стороны культурной жизни всего общества и, прежде всего, на общую культуру речи. В общенациональный язык проникают особые формы, свойственные религиозному языку. Это проникновение проявляется на всех уровнях, но именно группа библеизмов наиболее активно пополняет ресурсы современного языка в его светской сфере применения.

К третьей группе лексики, характеризующей тексты религиозной проповеди, относится достаточно разнородное множество единиц словарного порядка, границы которого несколько размыты, так как данная лексика относится к языковому узусу повседневного общения, но в контексте религиозной проповеди приобретает значение религиозной. К таким словам относятся лексемы типа *life, deed, law, love* и др. За каждым из этих слов в обычной речи закреплён круг определенных значений. В религиозной же речи, которая характеризуется метафоричностью и образностью, эти же слова окказионально получают новое значение и входят в семантическое поле религии.

Исходя из того, что проповедник в процессе ведения проповеди опирается главным образом на веру как особое эмоционально-психологическое состояние сознания человека, содержание проповеди часто носит суггестивный характер, то есть убеждение слушателей может происходить без специальных доказательств. Такое содержание неизбежно должно быть выражено соответствующей языковой формой, составляющей специфику анализируемых текстов.

Таким образом, можно констатировать, что являясь по сути своей *вторичной* формой сакральных текстов (напомним, что первичным текстом является Библия), текст проповеди демонстрирует частотное использование сакральной лексики различных групп: узко понятийную и терминологическую лексику, выражающую религиозные значения и смыслы, лексику, заимствованную из первичных сакральных текстов (так называемые *библеизмы*), и лексику, относящуюся к языку повседневного общения, но в контексте проповеди приобретающую значение религиозной и на этом основании входящую в семантическое поле религии.

Перспективу настоящего исследования видим в анализе семантико-синтаксической организации структурных частей традиционной и альтернативной проповеди.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания / РАН Ин-т лингв. исслед. / Адмони В.Г. – СПб., 1994. – 153с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Бахтин М.М. – М.: Художественная литература, 1979. – 423 с.
3. Бетехтина Е.Н. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом библейского происхождения в русском и английском языках / Е. Н. Бетехтина // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – СПб: ТОО «Петрополис», 1995. – С.20-31.
4. Булгаков Г. Теория православно-христианской пастырской проповеди (этика гомилии) / Булгаков Г. – Курск, 1916. – 168 с.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / Кухаренко В.А. – Одесса: Латстар, 2002. – 288 с.
6. Лахманн Р. Риторика и диалогичность в мышлении Бахтина / Р. Лахманн // Риторика: Специализированный проблемный журнал. – М.: Лабиринт, 1996, №1(3). – С. 72-85.
7. Малинович Ю.М. Семантика эгоцентрических категорий в концептуальной модели естественного языка / Малинович Ю.М. – Иркутск: ИГПИИЯ, 1998. – С.26-39.
8. Фаворов Н. Руководство к церковному собеседованию или Гомилетика / Фаворов Н. – Киев, 1858. – VIII. - 257 с.
9. Флоренский П. Храмовое действо как синтез искусств / П.Флоренский // Собрание сочинений. Т. 1. Статьи по искусству. – Paris, 1985. – С.41-62.

References

1. Admoni, V.G. (1994). Sistema form rechevogo vyskazyvanija RAN In-t lingv. issled.
2. Bahtin, M.M. (1978). Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Hudozhestvennaja literatura.
3. Betehtina, E.N. (1995).Frazeologicheskie edinicy s antroponimicheskim komponentom biblejskogo proishozhdenija v russskom i anglijskom jazykah. In Biblija i vozrozhdenie duhovnoj kul'tury russskogo i drugih slavjanskikh narodov. SPb: TOO «Petropolis», 20-31.
4. Bulgakov, G. (1916). Teorija pravoslavno-hristianskoj pastyrskoj propovedi (jetika gomilii). Kursk.
5. Kuharenko, V.A. (2002).Interpretacija teksta.Odessa: Latstar.
6. Lahmann, R. (1996).Ritorika i dialogichnost' v myshlenii Bahtina. In Ritorika: Specializirovannyj problemnyj zhurnal. M.: Labirint, 1(3), 72-85.
7. Malinovich, Ju.M. (1998).Semantika jegocentricheskikh kategorij v konceptual'noj modeli estestvennogo jazyka. Irkutsk: IGPIIJa, 26-39.
8. Favorov, N. (1858).Rukovodstvo k cerkovnomu sobesedovaniju ili Gomiletika. Kiev, VIII.
9. Florenskij, P. (1985).Hramovoe dejstvo kak sintez iskusstv. In Sobranie sochinenij. (1). Stat'i po iskusstvu. Paris, 41-62.

Стаття надійшла до редакції 1.10.2015 р.